

The whole system of the factors (from ethnic up to individual) influences on the degree and the character of manifestation of distinctions, stipulated by person's sex.

Social factors (social stereotypes and the norms of behavior, education, social surrounding, etc.) can influence, but only meditatively. They can influence on the intensity and the degree of manifestation of these distinctions, but, apparently, cannot generate them independently.

We would like also to stress that it's very complicated to set up the connection between individual and social factors, to understand their influence and complex interaction. That's why the sex-differentiation isn't very simple for study (because it is enough difficult to trace, to fix, to separate these differences and to understand their exact origin). The special (non-traditional) methods of linguistic technique are required.

Also to my mind we have made the start for further developing in this field namely in our home linguistics and tried to illuminate this problem (the existence of sex-biased in scientific discourse) from the very beginning.

Поступило в редакцию 4.03.2002 г.

*Сапрыгина Н.В.
(Одесса, Украина)*

ОППОЗИЦИЯ «МУЖСКОЙ»/ «ЖЕНСКИЙ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «ВЫШЕ» / «НИЖЕ»

Лингвистическое выражение оппозиции «мужской / женский», или, как её ещё называют, гендерной оппозиции, вызывает пристальный интерес культурологов. «Сближение/удаление, (от)давание/ (от)бирание, появление/исчезновение, метаморфозы и т.п. мифологизируются в кругу действия оппозиции м/ж» [1, с. 77]. Исследователи, однако, отмечают, что эту оппозицию нельзя трактовать однозначно, а порой она вообще не поддаётся рациональной интерпретации. «В достаточном числе случаев оппозиция м/ж как бы навязана извне как абстрактный классификатор и объяснение затрудняет самих носителей традиций. (...) Легче всего говорить об обычной вариативности или об ослаблении или даже вырождении оппозиции, но, пожалуй, разумнее предположить, что «функциональные» основания перекрываются чем-то иным» [1, с. 80-81].

Как мы постараемся доказать, лингвистически выраженная оппозиция 'мужской' / 'женский' не есть собственно оппозиция по половому признаку (для того, чтобы она стала таковой, нужны дополнительные семы), а представляет собой разновидность оппозиции 'выше' / 'ниже'.

Традиционная структура общества породила взгляд на женщину как на низшее существо. Отсутствие равноправия женщин с мужчинами (права на образование и права на труд) давало мужчинам основания для пренебрежительного взгляда на женский пол. Советский строй, создав реальные условия для равноправия, уничтожил экономические предпосылки для такого взгляда. Достижения и успехи женщин в науке, культуре, на производстве доказали справедливость точки зрения Пушкина на возможность для женщины быть достойным членом общества. Напомним – в 1835 году поэт писал: «Одна

дама сказывала мне, что если мужчина начинает говорить с нею о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в её глазах он тотчас обличает своё незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые Бог ведает почему!» («Table-talk»).

Современная западная точка зрения исходит из того, что женщина – существо низкое. Реклама внушает, некорректно говоря о гигиене, что женщина якобы – существо нечистое. Стереотип представления образа женщины в западном кино – занятия сексом, а чуть серьёзная опасность, сразу истерика, крик – демонстрирует: женщина якобы глупа. Мужчина рассматривает женщину как яркую куклу. Она должна эффектно выглядеть, а её капризы должны быть смешными. Но куклу можно и бросить, и поменять, и сломать. И не жаль, потому что в понятии кукла заключена сема ‘неживое’. Кукла всего лишь похожа на живое существо, на человека. Таким образом, выявляется противопоставление, имеющее давнюю традицию в истории: мужское (‘сильное, активное, хорошее’) / женское (‘слабое, пассивное, плохое’).

Любопытна ситуация понимания современными школьниками одного из художественных произведений, созданных на Западе и сейчас ставших частью школьной программы. Пьеса Г. Ибсена «Кукольный дом» (в советское время ставившаяся под названием «Нора») призывает к уважению достоинства женщин. Школьники, перенявшие от своих матерей советскую точку зрения на проблему роли женщины, не поняли, почему дом – кукольный и почему право женщины на уважение и достоинство нужно доказывать. Дети полагали, что женщину нельзя считать куклой. Не смогла объяснить школьникам смысл метафоры «женщина – кукла» и учительница, также воспитанная в реалиях советского общества. Но вот прошло пять лет усиленного знакомства с западной точкой зрения при помощи средств массовой информации, и метафора «женщина – кукла» стала почти реальностью. Вот только как быть с тем фактом, что славянские женщины традиционно более трудоспособны, более серьёзны, более выносливы, более преданны ценностям семьи, чем мужчины? Неужели с их правами, взглядами, возможностями не нужно считаться?

В индоевропейских языках, в которых есть категория рода, представления о мужском и женском роде существительных накладываются на представления о существах мужского и женского пола. Л.: В. Успенский в популярной книге «Слово о словах» приводит такой эпизод.

«За обеденным столом небольшого кавказского ресторана сидели три уже немолодые женщины – русская, немка и армянка. Они спокойно ели борщ. Внезапно на пол со звоном упала большая суповая ложка.

– Ага! – проговорила русская женщина, вспомнив смешную старинную примету. – Какая-то дама собралась к нам в гости. Ложка упала!..

– Почему дама? – удивилась немка. – Ложка – это «дер лёффель»! Ложка – мужского рода. Должен какой-нибудь мужчина прийти... (...)

– Ну вот ещё! Это если бы ножик упал, тогда это значило бы мужчину. Ножик – мужского рода...

– Ха-ха-ха! – засмеялась немка. – Ножик мужского рода? Да ведь, если ножик упадёт, это ничего не значит, он – «дас мессэр» – рода среднего.

Армянка сидела молча и с недоумением смотрела то на ту, то на другую из спорящих. Наконец она наклонилась ко мне.

– Простите, – шепнула она, – но я ничего не понимаю... Я вижу, тут какая-то смешная примета. Но на чём она основана? Почему «ножику» может чем-то напоминать мужчину или ложка женщину? Мне это непонятно.

И на самом деле, разъяснить ей, на чём основано это нелепое суеверие, было невозможно: в армянском языке (как и в английском) вообще не существует никаких родов: ни мужского, ни женского, ни среднего» [2, с. 353-354].

Видимо, говорить об оппозиции со значением 'пол' в отношении слов, обозначающих неживые предметы, – хороший повод для шутки. Как и для того (увидим далее), чтобы увести мысль на путь создания художественных образов путём сублимации. Этот термин З. Фрейда означает – возвышение, преобразование возможных отрицательных эмоций в положительные, дающие повод отстраниться от грубой реальности, возвыситься над ней, помечтать. «Художник умеет с этим отражением своих неосознанных фантазий связать такие потоки наслаждения, которые становятся сильнее подавления и сметают их» [3].

Одна из причин существования форм грамматического рода – то, что род закреплён за определёнными суффиксами. Образуя слово с суффиксом *-к(а)*, мы автоматически получаем слово женского рода. Прибавляя суффиксы *-ик, -чик, -ник*, получаем слова мужского рода. Пример – новые слова: *стрелялка* (компьютерная игра), *раскрутка*, *аппаратчик* и т.п. Ср. также новые слова, означающие 'мобильный телефон', – *мобильник* (м.р.), *мобилка*, *мобила* (ж.р.). Бессуффиксные слова мы тоже относим к определённым родам, если можем определить формы склонения (*полив*, *облом* – 2-е склонение, м.р.). Затруднения с определением грамматического рода мы испытываем с несклоняемыми словами, означающими неодушевлённые предметы: *цунами* (она, волна, а не оно, явление), *Чили* (оно, государство, а не она, страна).

Но и со словами, обозначающими живые существа, у которых есть пол, не всё ясно. Для многих видов живых существ в русском языке нет специального обозначения самца и самки. Нет слова *комариха* (или проблематично, потому что выдумано для юморески). *Осы* делятся по половому признаку, однако *осёл* как 'муж осы' (по аналогии с *козлом* – 'мужем козы') существует только в детской шутке. Даже у тех видов животных, где самца и самку обозначают разные слова, обозначение по половому признаку вызывает трудности. В одном из фильмов сериала «Улицы разбитых фонарей» один персонаж полагал, что собаку женского пола следует называть *сука*, а другой высказывал точку зрения, что собаку женского пола нужно называть *девочка*. Таким образом, слово *собака* принадлежит к женскому роду, но не означает женский пол (несмотря на существование оппозиции *пёс*). Для обозначения пола животного нужны дополнительные способы и дополнительные семы.

Отжившая категория рода неодушевлённых предметов пробуждается и вовлекается в игру ассоциаций, когда речь идёт о том, чтобы создать образ. Если грамматический род в художественном тексте – намёк на пол, то такие оттенки значения создают трудности

при переводе произведения. Стихотворение Лермонтова «Из Гейне» («На севере диком...») не раз привлекало внимание исследователей [4]. При переводе стихотворения Гейне Лермонтов изменил содержание стихотворения. У Гейне сосна (по-немецки *der Fichtenbaum* – мужского рода) мечтает о пальме (*die Palme* – женского рода). Получается: мужчина мечтает о женщине. Произведениями с такого рода подтекстом изобилует фольклор. Но у Лермонтова *сосна* женского рода мечтает о *пальме* женского рода. Исчез эротический компонент. Возник новый смысл, мало отражённый в литературе: тоска по родственной душе. Ищут друг друга и не могут встретиться два равных существа. Характерно, что стихотворение Лермонтова чрезвычайно популярно. Другие русские переводы, где переводчики (Тютчев, Фет) стремились сохранить оппозицию мужской / женский, заменив сосну Кедром или Дубом, не получили признания.

Но в некоторых случаях, даже при создании образов в художественном пространстве, оппозиция ‘мужской’ / ‘женский’ не нужна. У А.К. Толстого есть шуточное стихотворение: «Угораздило кофейник / С вишкой в роце погулять. / Набрели на муравейник. / Вишка – ну его пырять!»). Муравьи заползли кофейнику в носик, кофейник был возмущен и решил больше с вишкой не дружить. Как видим, в этом сюжете предметы, не вполне ожившие, ведут себя как вещи в руках ребёнка, но не как мужчина и женщина.

В индоевропейских языках есть и категория среднего рода, который в латинской грамматике обозначается как нейтральный (*genus neutrum*). Если бы оппозиция проходила строго по половому признаку, тогда средний род был бы не нужен. Ведь и маленькие дети имеют пол.

В современном греческом языке большая категория людей обозначается словом среднего рода мн. ч. *παῖδιά*, которое можно перевести как ‘дети’ (ед. ч.: *το παιδί* – ‘ребёнок’). К среднему роду относятся также слова ‘мальчик’ – *το αγόρι*, ‘девочка’ – *το κορίτσι*. Однако *παῖδιά* – это не только дети, но и молодёжь, например члены футбольной команды. Тогда при переводе используется слово *парни*. В большой группе молодёжи могут быть и девушки, и тогда при переводе используется слово *ребята*. Всё же это неточная передача значения. Мать может сказать о своём ребёнке: *Το παιδί μου είναι παντρεμένο* – ‘Моё дитя замужем’ или ‘Моё дитя женаго’. Перевод будет различным в зависимости от того, кого мать имеет в виду – сына или дочь. Но если человек вступил в брак, то поведение его не нейтрально по половому признаку. Что же хочет сказать мать? Её дитя осталось для неё ребёнком, мать – старше, главнее, имеет право советовать, как жить, а дитя обязано уважать её и слушаться.

Итак, мужской род – выше, сильнее, главнее, женский – послабее, но всё же главный, активный. Средний – наиболее пассивный. Это подтверждается на примерах греческих слов, у которых категория рода вариативна. О *σκύλος* – большая сильная опасная собака, вроде собаки Баскервильей, *το σκυλί* – маленькая обычная незлая собака, может бегать по двору. Слово, означающее ‘остров’, *το νησί*, как и ‘гора’ – *το βουνό*, – среднего рода. Гора, хотя и высокая, но неживая, никуда не убежит. С ней можно не считаться. Уменьшительный суффикс -*ικ(ή)* одновременно делает слово словом среднего рода: *η οχταπόδι* – ‘осьминожка’.

С такой трактовкой оппозиции мужское – ‘сильное, высшее’, женское – ‘слабее, ниже’, среднее – ‘самое слабое’ сходится точка зрения Л.В. Успенского: «В одни эпохи

деревья, горы, источники, реки, представлялись людям живыми существами, богами и богинями. В эти эпохи они очень легко могли попасть в разряд «живых и независимых существ», получить имена мужского или женского рода. Наоборот, в другие времена тот или иной народ начинал на некоторых людей, например на рабов в рабовладельческом обществе, смотреть не как на настоящие, живые, свободные и независимые существа, а как на вещи, как на собственность других людей, «полноправных господ». (...) «Полноправные» получали имена «живых», «полноправных» родов, а рабы – имена рода «вещного», то есть, по нашим понятиям, среднего рода. (...) Совершенно так же в жестокие времена древности смотрели многие племена и народы на женщин и детей. (...) Не поэтому ли и доныне в немецком языке слова «женщина» (*das Weib*) и «ребёнок» (*das Kind*), а в русском языке «дитя» сохраняют свой средний, то есть «вещный» род?» [2, с. 364].

Оппозиция 'выше' / 'ниже' обладает сложной иерархией, национально и культурологически специфична. Наблюдаются большие расхождения и разногласия в её интерпретации в различных социальных группах. Как справедливо говорил Лев Толстой, трудность – в установлении справедливой иерархии вещей. Чтобы предотвращать и улаживать разногласия при выражении существенных идей в споре о системе ценностей, нужно, по крайней мере, знать, где, на каких ключевых понятиях такие разногласия возникают. Это мы попытались отразить путём выделения высших и низших сем в оппозициях мужского и женского – сильного и слабого, активного и пассивного, главного ('мужское' и 'женское') и подчинённого ('среднее').

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цивьян Т.В. Оппозиция *мужской/женский* и её классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб, 1991. – С. 77.
2. Успенский Л.В. Слово о словах. – М., 1957. – С. 353-354.
3. Фрейд З. Вступ до психоаналізу. Лекції зі вступу до психоаналізу з новими висновками. – К., 1998. – С. 381.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 61.

Поступило в редакцию 28.03.2002 г.

*Щипакина Н.В., Хмелевая О.В.
(Донецк, Украина)*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОЦИУМА С ГЕНДЕРНЫХ ПОЗИЦИЙ

В русле проводимых нами социолингвистических исследований [см. 2:3:4] мы заинтересовались значимостью гендерного фактора при оценке языкового поведения коммуникантов. С этой целью был проведен анкетный репрезентативный опрос населения, который завершился выборкой по признаку половой идентификации. В данной работе представлены результаты наблюдений над ценностными ориентациями респондентов в сфере употребления языков с учетом гендерных, возрастных,